

Игорь Петраков

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
ТОМ 26

ознакомительный фрагмент

ПАМЯТЬ МЕСТА. ОЧЕРКИ-ВОСПОМИНАНИЯ О ДЕТСТВЕ И МОЛОДОСТИ

АРКАДИЙ АВЕРЧЕНКО КАК ЗЕРКАЛО РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

ГИПОТЕЗА ОБ ИНОМ МИРЕ В ПРОЗЕ С.ЛУКЬЯНЕНКО

ОКТЯБРЬ 93-ГО: КАК ЭТО БЫЛО. ОЧЕРК

Омск 2021

ИП 2021

В 26 том лапидарного собрания сочинений Игоря Петракова вошли очерки и литературоведческие работы.

ПАМЯТЬ МЕСТА

(воспоминания о детстве и молодости)

Сначала, конечно, была мысль написать продолжение моего известного произведения - «Рассказы о детстве 2». Такое продолжение изначальной книги предполагало бы возвращение к событиям, действиям, ситуациям, имевшим место быть в славные 80-е годы прошлого, двадцатого века. Однако по размышлении (достаточно долго) выяснилось, что основные события детства, - те, которые я помню - и поместились как раз в этой первой книге. Однако воспоминание - процесс полноводный, неостановимый (практически), и мне в голову пришла мысль о том, что какие-то детали, события прошлого могут еще воскреснуть на этом пути. Оптимизм в меня вселяла главным образом книга набоковеда Бориса Аверина «Дар Мнемозины» - в которой исследовался дар воспоминания в том виде, в котором он представлен в произведениях Владимира Набокова. В книге утверждалось, что в процессе воспоминания или припоминания у Набокова (а равно и у других современных ему писателей и философов, таких как Шестов, Бердяев, Бунин) рождается совершенно живой, неповторимый, занимательный сюжет. Акцент в повествовании делается не только на факте воспоминания как таковом, но и на самом процессе припоминания. Это, утверждает автор, - живой, творческий по сути своей процесс. В ходе него на свет Божий извлекаются из детского мира автора такие подробности и такие сюжеты, которые, казалось, навсегда затерялись в дальних закоулках памяти.

Разумеется, определенное влияние оказали на автора этих строк и труды авторов, принадлежащих Православной Церкви – и также посвященные сюжетам и темам детства. Среди них – Павел Флоренский, Пестов, Владимир Емеличев. Сюжеты и образы детских лет в этих книгах (приобретенных мной в стенах Церкви) осмыслялись с позиций Православной жизни в целом. Православие, на мой взгляд, как явление и как вера должно было стать логическим продолжением жизненного пути автора, начатого в детстве. Вот почему наряду с картинами детства в этой работе будут представлены картины омских (и одного московского) православных храмов, где находила отдохновение от тревог и забот, а также житейской суеты душа автора.

Картины детства, описанные в этой книге, связаны в основном с пространством хорошо мне знакомого родного города – Омска. Также есть картины Полоцка, Таврического, Москвы, Чернолучья, Красноярки, Евпатории (что в Крыму) – всех тех городов и весей, в которых мне пришлось побывать во времена моего детства и молодости. И, разумеется, говоря о детских годах, нельзя будет не вспомнить моих

знакомых тех лет – начиная от родителей и заканчивая дальними родственниками и друзьями. Приступая к новым рассказам о детстве, хочется выразить надежду на то, что они не оставят Вас равнодушными, возможно, где-то насмешат, где-то обрадуют, а где-то обнадежат на долгом жизненном пути, как любят говорить православные.

1. УЛИЦА ДОБРОЛЮБОВА

Самое первое, самое верное воспоминание об улице Добролюбова – это то, как мы идем с отцом по летней (или весенней) благоухающей улице, мимо техникума, прямо по территории детского сада – в гости к моим бабушке и дедушке. Кстати, немаловажное место в воспоминаниях моих занимает казавшаяся мне в детстве необыкновенно длинной улица Блусевич. По этой улице можно было проехать одну остановку на автобусе, но мы часто не дожидались попутного транспорта – а – если была подходящая погода – совершали путь от станции Привокзальной до улицы Добролюбова пешком.

Кстати, об улице Блусевич мною было написано одноименное стихотворение, опубликованное в одном из моих стихотворных сборников – «Река Тишина» или «Белый альбом». Улице Блусевич было посвящено стихотворение «Привокзальный поселок», где были такие строки –

Постоять бы опять на той улице,
Где тепло от людского дыхания.
Фонари от яркого снега шуряются
И начало берут расстояния..
И узреть вместе с птицами
Даль загадочную и синюю

С улицей Блусевич связаны и более поздние воспоминания – именно по этой улице я ходил в Православную церковь, что на улице Труда. Особенно приятно было возвращаться со службы домой. Тогда казалось, что сама природа благоволит к одинокому путнику. Чувствовалось что-то Божественное в самой природе, в самом воздухе города. Удивительно – служба заканчивалась зачастую затемно, но после нее, идя по улице Блусевич, домой я почти никаких страхов не испытывал. Я словно ощущал незримое Божественное присутствие, которое меня охраняло и оберегало. Это, конечно, по большей части иррациональное ощущение. И, боюсь, его не понять местным рационалистам и местным ученым, привыкшим все мерять своим нехитрым мериллом.

Помню, как остановился я в восхищении, перед обыкновенной березой, покрытой полностью инеем, сказочно блестящем в свете фонарей. Она мне показалась тогда живым существом, с которым, как знать, можно было бы, наверное, поговорить, поделиться мыслями, помечтать.

Приятно было также проехаться по улице Блусевич на автобусе. Это стремительное путешествие длиной в одну остановку означало, что мы с отцом быстрее доберемся до дома – который располагался или на Рабочих (где ждала нас матушка) – или на Добролюбова, где жили бабушка и дедушка. В стихотворении «Улица Блусевич», между прочим, так и сказано:

Где же теперь мои бабушка с дедушкой?

В каком из иных миров?

Только чего-то лопочет соседушка,

Известный он здесь суеслов.

Итак, дом на Добролюбова. Он располагался на границе с частным сектором. Между одноэтажными домами и пятиэтажкой, где жили баба Таня и дед Паша, росли довольно-таки мощные деревья. Они едва ли не стучались в окно. Таков был пейзаж по одну сторону дома. Другая сторона хрущевки выходила во двор (впрочем, из квартиры моих бабушки и дедушки двор не был виден – она была однокомнатная), заставленный разными детскими атрибутами – качелями, каруселями, песочницами. Под окнами, замечу, стояли скамейки, на которых летом, поздней весной и ранней осенью отдыхали жильцы дома.

Помню освещенную солнцем лестницу и площадку второго этажа. В окно стучались зеленые ветви деревьев, в подъезде было тепло – наверное, это был конец мая или начало лета. Когда выйдешь из подъезда, сразу видишь скамейки, на которых, вероятно, сидят хорошие знакомые деды Паши и бабы Тани.

Впрочем, отношения моих бабушки и дедушки отнюдь не всегда были безоблачными. Характер дед Паша имел оригинальный, и не лез за словом в карман. А слово это было подчас и едким, и острым. Например, во время сватовства моего отца ему, деду Паше, попробовала возражать баба Таня:

- Хватит уже пить!

(а здесь надо заметить, что деда Паша не прочь был употребить вовнутрь водочку и уважал самогонку).

- Молчи, керзовая морда! – был лаконичный ответ моего деда.

Дед Паша был в нашей семье поставщиком и других афоризмов и ярких высказываний. Например, он любил повторять после бани такие слова:

- Суворов говорил: после бани штаны продай – а выпей!

Проверить, насколько истинно это высказывание (как сказали бы господа филологи) и действительно ли озвученные слова принадлежали полководцу Суворову Александру Васильевичу, не представлялось возможным.

Во времена застоя, как известно, был популярным лозунг – «Догоним и перегоним Америку!» Дед Паша относился к нему скептически и однажды выразил свое отношение так:

- Догнать – догоним, а перегнать – не получится.

- Почему же? – спрашивал заинтригованный собеседник.

- Голый зад будет видать, - мудро ответил дедушка.

Когда мой папа, будучи юным спортсменом, занимавшимся в секции бега, на каком-то легкоатлетическом состязании пришел к финишу последним, дед Паша разразился следующим афоризмом:

- ТЫ ЗАНЯЛ ПЕРВОЕ МЕСТО. С ЗАДУ!

Оригинальный темперамент деда Паши уравнивался нордическим спокойствием бабы Тани, про которую один из ее зятьев как-то сказал – «Редкая женщина».

Дом на улице Добролюбова и прилегающее к нему пространство были местом моих игр и игр моих друзей, среди которых выделялся мой двоюродный брат Андрей. Мы смело исследовали, например, гаражи, которые стояли с западной стороны дома. До сих пор удивляюсь тому, как никто из нас не упал с крыши гаража (а находились смельчаки, которые лазили по крышам) или не застрял в узком пространстве между гаражами. Еще одной из излюбленных игр в детстве была игра с монетками, которые надлежало перевернуть ударом камня.

После шумных игр дома нас ждал сытный ужин. Часто бабушка к моему приходу пекла пироги, или любила готовить голубцы (мясо с капустой). Помню, как пил в детстве воду прямо из-под крана (теперь это кажется фантастической самонадеянностью и безопасностью – но в ту пору, видимо, у нас, детей, отсутствовал страх заболеть какой-нибудь кишечной инфекцией из-за некипяченой воды).

Отдельное воспоминание – это наши с отцом походы по близлежащим магазинам, чаще всего, конечно, в ближний магазин от дома, на углу. Естественно, во время этих походов во мне просыпалась разговорчивость и я непременно просил купить себе что-нибудь вкусненькое. Например, пирожное, кекс или мороженое. Мама-то остерегалась мне покупать мороженое из-за боязни переохладить мое горло, что, по ее мысли, могло привести к неприятной болезни.

Тогдашние магазины (я имею в виду прежде всего магазины продуктовые) не были похожи на современные. В том смысле, что в современном магазине при входе сразу натыкаешься на стеллажи с пивом, водкой, коньяками и винами, а также с иностранными шоколадными батончиками. Советский магазин, скажем, восьмидесятых годов, не баловал своих посетителей изобилием спиртных напитков и шоколада. В нем на первом месте стояли разные молочные продукты – кефир и молоко в треугольных пакетах или в стеклянных бутылках, которые потом надо было сдавать.

Но вернемся ко двору дома на Добролюбова. Надо сказать, что в конце восьмидесятых я увлекся фотографией. В городе Полоцке (Белоруссия) мне купили за 15 рублей легендарный фотоаппарат «Смена 8-М». Потом уже в Омске я обзавелся бачками для проявки пленки, ванночками для проявителя и закрепителя и, конечно же, большим фотоувеличителем «Ленинград», без которого печать фотографий была немислимой. И вот, надо было не только сфотографировать знакомых и близких мне людей, но и тщательно проявить пленку, а затем и напечатать фотографии под покровом вечерней темноты. Печать фотографий начиналась, как правило, около десяти часов вечера (если дело было летом), или около восьми (если все происходило в более холодное время года). Было необходимо аккуратно вставить пленку со снимками в фотоувеличитель, скадрировать кадр – то есть навести резкость, а затем отдернуть красную шторку фотоувеличителя и «засветить» фотобумагу на определенное время (как правило от 10 до 30 секунд). Затем фотобумага отправлялась в ванночку с

проявителем, где проступали знакомые мне лица, после чего – в ванночку с фиксажем. В довершение всего процесса фотографии бережно раскладывались на кухне, на разостланной газете, и прижимались по краям небольшими грузиками. И радостно было мне, когда мама или папа с любопытством смотрели на творение моих рук, особенно если получились они хорошо.

Помню две сделанные мною фотографии во дворе на Добролюбова. На первой из них – дед Паша, смотрящий мечтательно куда-то вверх, и папа на фоне непрезентабельного по нынешним временам «Москвича». Другая летняя фотография – дед Паша и баба Таня, а между ними я, – фотографию делал папа. Кроме того, на фотографии уместилась соседская собака колли, которую гладил дед Паша во время ответственной съемки.

Особым временем посещения квартиры на Добролюбова был день, когда праздновался день рождения бабы Тани. Тогда в тесной однокомнатной квартирке собирались самые близкие родственники – папа с мамой, я, моя тетка, мой двоюродный брат и мои двоюродные сестры.

День рождения отмечали за большим столом, на который водружалась различная снедь и, разумеется, выпивка (мне, по причине юного возраста, чаще всего доставался компот). Произносились поздравительные речи. Или, как говорил Набоков,

.. когда мы все вернемся,

Устроим мы такой обед..

А главное – с речами, с речами

(строчки эти привожу по памяти – по-моему, они из поэмы «Скитальцы»). Эти празднования стали в нашей семье, как сказала бы какая-нибудь корреспондентка, «доброй традицией». Не помню, продолжались ли они после того, как дед Паша ушел в иной мир (баба Таня пережила его, кажется, года на два-три).

Честно говоря, я не привык к таким торжественным обедам и во время празднования чувствовал себя неуютно – не в своей тарелке. Тем более что даром произносить заздравные тосты я не обладал, да и не полагалось мне встречать со своими речами в процесс.

Еще помню, как любил я отведать в гостях у бабы Тани и деды Паши пирожки – фирменные пирожки, которые пекла моя бабушка. Конечно, они были не такими легендарными, как пирожки, которые Красная шапочка несла своей бабушке, но запомнились мне, несмотря на это, весьма и весьма прочно. Это были пирожки с мясом.. Питательность и аппетитность их до сих пор считаю я непревзойденными в своем роде.

Сама же баба Таня любила отведать пирог с рыбой, который готовила моя мама. Пирог был большой – во весь противень. Между двух пластов из теста выкладывался сначала рис (отваренный), затем лук (репчатый), и в довершение всего – слой рыбных консервов «Сайра». Затем все сооружение накрывалось вторым слоем теста, в середине проделывалось отверстие, чтобы пирог «дышал», после чего кулинарное изделие отправлялось в духовку в газовой плите. Пекся пирог при температуре от 200 до 220 градусов Цельсия. Этим фирменным, если можно так сказать, пирогом моя мама угощала не только бабу Таню и деду Пашу – но и жителей Тавричанки – бабу Тасю и Семена Прокопича (свою мать и отчима). Но, как говорится, об этом – в соответствующей главе моей книге, то есть немного позже.

2. ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЙ ВОКЗАЛ

«ЖД-вокзал.. как много в этом звуке для сердца русского слилось, как много в нем отозвалось», - сказал бы классик. Мы же воздержимся от подобных высокопарных фраз. Железнодорожный вокзал был, по моему скромному мнению (да и как ему не быть скромным, как заметил бы Набоков), центром, из которого протягивались ниточки путешествий в моем детстве и молодости.

Сначала это были поездки в Тавричанку, к бабе Тасе, Семену Прокопичу и дяде Гене. Причем железнодорожный вокзал был только едва ли не начальной вехой путешествия. На него мы приезжали со станции Привокзальной, и оттуда отправлялись на юг Омской области – через станции «Труд», «Карбышево-1», «Карбышево-2», «Фадино» и «Новоселецк». Железнодорожная часть нашего пути завершалась на станции «Стрела», находящейся в пяти километрах от Тавричанки. Там надлежало пересесть на маленький «ПАЗик», который за какие-то десять – пятнадцать минут домчит нас до центра поселка Таврическое.

А оттуда мы уже пешком дойдем до дома моей бабушки. Подробно все это путешествие в Тавричанку было описано в моих «Рассказах о детстве».

Затем пришла пора поездок в связи с моими научными (прости Господи) интересами – в Москву и Томск. И опять я заходил в старенькое здание железнодорожного вокзала, опять проходил по подземному тоннелю к поезду, который ждал своего часа, чтобы отправиться к цели моего путешествия.

Помню, как папа и мама провожали меня в Москву. Поезд отходил из Омска чуть ли не в полночь. Наши знакомые привезли нас к железнодорожному вокзалу вовремя (на автомобиле). Не помню, из-за чего (наверное, из-за того, что приехали мы рано), я сидел минут пятнадцать в автомобиле. У меня тогда возникло странное чувство. С одной стороны, я был еще здесь, в Омске, и мирно созерцал большую стоянку, на которой находились машины, освещенную вокзальными огнями, огни небольшого уличного кафе (был теплый сентябрь), фигурки людей, поднимавшихся по широкой лестнице (наподобие той, что была в фильме «Чародеи») к зданию вокзала. С другой стороны, я как будто был уже в другом месте (все это одновременно), в пути, в вагоне поезда, увозившего меня в столицу нашей Родины. Поистине, странное это место – железнодорожный вокзал. Есть в этом пространстве какая-то загадочность, какая-то тайна.

Помню, как прошли мы с мамой и папой по подземному тоннелю, как поднялись по лестнице на перрон. И еще картина, которая как бы навсегда врезалась в мой мозг – поезд трогается, а мама и папа стоят на перроне и машут мне руками. Перрон был уже ночной, затемненный, редкие огни освещали его, но картина получилась запоминающаяся. Сейчас я понимаю, что вернуть это трогательное мгновение в настоящее, заставить его вновь, как говорил один автор, «обрасти плотью», наверное, невозможно. А жаль, или, как сказала бы одна проворная аспирантка, «осень жаль».

Москва тогда мне представлялась совершенно иным, незнакомым, живущим по своим законам, миром. И действительно, в отличие от Омска, она напомнила мне пчелиный улей, где собрались граждане самых разных городов и весей. Мир Москвы был разнообразен, пестр, говорлив, тороплив. Но я выдержал тогда соприкосновение с ним – потому что был молод, любопытен и хотел чего-то добиться в жизни.

Москва так и не стала мне второй Родиной. На Родину я возвращался как раз сюда – в Омск, где жизнь была более тиха, размеренна, спокойна, предсказуема.

Помню также тот момент, когда я садился на поезд, отправляющийся в Томск. Тогда я отправлялся на конференцию по русской литературе, проходившей в Томском государственном педагогическом университете (о студентах которого, как говорится, если нечего сказать, то лучше промолчать. «Так говорила бабушка Шамуэй. Со мной она почему-то все чаще молчала. Это была очень мудрая бабушка. Она постоянно твердила, что наша планета взорвется. Она и сама бы спаслась, не запри мы ее» («Альф»)).

И опять поездка в Томск началась осенью, правда, это был не конец сентября, а начало ноября (температура держалась на отметке около нуля). И опять начиналась она поздним вечером. Правда, на этот раз никто провожать меня не стал, и пришлось мне садиться в поезд самостоятельно.

Помню, как возвращался из Томска – на тот же железнодорожный вокзал. Напрасно я ждал, что меня кто-нибудь встретит – родители предпочли остаться дома. Я прошел через весь Привокзальный поселок – затем, чтобы отец увидел меня в окне и порадовал маму. Та лишь в ответ заметила, что хорошо то, что я вернулся из Томска живой.

И действительно, жизнь в Томске, мягко говоря, была сопряжена с риском для существования. Но об этом в соответствующей главе.

И вот еще чем запомнился мне омский железнодорожный вокзал – большим пешеходным мостом, раскинувшимся над железнодорожными путями. По этому мосту проходил я с отцом и матерью, когда направлялся в годы детства в Привокзальный поселок, к бабе Тане и деду Паше. Тогда мост казался большим, огромным, величественным. Спускаясь по лестнице, я смотрел в щели между дощатыми ступеньками и испытывал нечто вроде первобытного страха перед высотой (и до сих пор побаиваюсь высоты).

Переход через мост был преисполнен поэзии, романтики – в те детские годы. Под мостом как некие караваны толкались на путях вагоны, и бодрые локомотивы везли их то на север (к востоку – по Западно-Сибирской железной дороге), то на юг (в западном направлении по все той же дороге). Картина получалась яркая и запоминающаяся.

Затем я проходил по этому мосту (всего-то их было два) в годы молодости, когда направлялся в церковь на улице Труда. Вспоминая то время, удивляюсь, как у меня хватало выдержки и терпения совершать (порой зимой, в холод) этот путь к церкви (или, как сказали бы некоторые новообращенные, к храму). В церкви на улице Труда я находил необходимое мне место для молитвы. Посещая службы Православной Церкви, проникался их атмосферой. Там же я молил Бога о здоровье. И молитвы были услышаны – Господь сделал то, что не смогла сделать официальная медицина (помните, как в одном из советских фильмов персонаж по имени Аполлон Митрофанович восклицал – «А я щас сделаю, сделаю то, что не смогла сделать товарищ Шамаханская!» - «Аполлон Митрофанович, вы забываетесь» - «Нет, я чувствую, что вопреки своей природной скромности должен сейчас оказаться НА КОНЕ в этом здании!»).

Нынче мост усовершенствовался, оброс стенами, но если мне случится пройти по нему снова, я непременно вспомню мое детство и молодость. И вид с моста на старую Привокзальную площадь, на памятник Ленину, на стоянку машин и троллейбусов, оживит в памяти прежние ощущения и впечатления.

3. СТАНЦИЯ ПРИВОКЗАЛЬНАЯ

История моего знакомства с этой станцией начинается с годов моего детства. Именно отсюда мы с родителями уезжали в Тавричанку или на дачу в Сыропятку. Не зря станция и дорога на нее была описана мной еще в возрасте 11 лет в моем очерке «Жизнь поселка» (посвященном поселку Таврическому). Мимо станции ходил я и в гости к упомянутым уже в этой книге деду Паше и бабе Тане в Привокзальный поселок.

Помню, как уезжали мы с мамой с этой станции в Кормиловский район Омской области, где я надеялся поработать немного учителем русского языка и литературы (по специальности). Удивляюсь терпению моей мамы, которая сопровождала меня в этой поездке, - сначала в электричке, а потом в автобусе, следовавшем от Кормиловки в направлении забытой Создателем деревни, где по прибытии в школу я наткнулся не на самый радушный прием (например, меня спросили, умею ли я играть на народных музыкальных инструментах – как сказал по этому поводу Сережа Ярковой, наверное, с тем, чтобы я мог показать это свое мастерство на паперти).

Удивительно, но эта поездка в Кормиловский район (не самое прекрасное местечко на территории Омской области) теперь освещена для меня спокойным тихим светом – наверное, потому, что рядом со мной тогда была мама – мой первейший друг на жизненном пути.

Кроме того, поездка принесла даже пользу (хотя в школу меня так и не взяли – вернее, я отказался от такой заманчивой перспективы сам) – в доме наших знакомых я узрел книгу моего научного руководителя по пединституту (к тому времени уже покойного) Эдмунда Генриховича Шика «В холодной Сибири не так уж холодно». Наши знакомые оказались добросердечными людьми и подарили мне эту книгу – как говорила Сова в мультике про Вини-Пуха, безвозмездно, то есть даром.

А какой радостью было увидеть станцию Привокзальную в тот момент, когда мы семьей (мама, папа и я) возвращались с дачного участка в Сыропятке. Сначала в окно электрички были видны высотные дома, полупустынная дорога, обсаженная деревьями (кажется, Хабаровская улица – параллельная железной дороге), затем поезд замедлял ход – и появлялись знакомые очертания станции. Это значило, что очередной этап путешествия подходил к своему завершению, и теперь можно будет спокойно сойти с электрички и направиться к нашему дому, где нас ждал заслуженный трудовой ужин.

Здесь нужно отметить, что уставали мы в Сыропятке не только от работы на огородных и садовых плантациях, но и от пешего пути до станции – сначала это был час пути (5 километров), а затем 20 минут (что тоже было немало). Представьте только – вы поработали усердно на даче, и теперь Вам предстоит путь – хотя бы в двадцать минут – до станции. Неудивительно, что некоторые не выдерживали такой нагрузки – и бросали свои дачные участки как горячие картофелины (как говорил Альф, «Пожалуй, женюсь на Линн. А потом брошу ее как горячую картофелину!» (см. мою работу «Альф: семейные истории Таннеров»)).

Называлось все это «Садоводческое товарищество «Дубрава»». Сначала с электрички шли целые толпы дачевладельцев, рвущихся поработать на своих участках. Со временем желающих окунуться в дачную действительность становилось все меньше и меньше.

Помню, как мы вместе с папой и мамой строили на своем участке сарай, как я собственноручно настилал в нем пол. Помню, как высаживали ранетки для сада, как я его огораживал маленьким заборчиком. Как тягали ведра с водой из специально

вырытого на даче колодца. Как приезжал к нам на дачу дядя Гена (брат матери) и загорал у того же колодца. Как мы возили на дачу нашего кота Глебыча (названного в честь А.Г.Невзорова) и как он прятался в траншее, дрожа от звука приближающегося автомобиля. Как слушали миниатюрный радиоприемник во время отдыха (после обеда).. А поначалу – просто обедали, сидя на бревне, поедая вареные яйца, привезенные с собою из дома и запивая их горячим чаем из термоса.

Также помню, как ходил на рыбалку на озеро – котлован, расположенное к северу от наших аллей с дачами. Правда, поймал я там что-либо или нет, об этом, как говорится, история умалчивает. Пару раз в этих походах меня сопровождал терпеливый отец, который всегда скептически наблюдал за тем, как я пытаюсь выловить из котлована какое-то подобие рыбешки.

Удивительно, с каким энтузиазмом мы выкапывали картошку на этом нашем дачном участке. Совместная дружная работа придавала, казалось, все новых и новых сил. А картошки в ту пору мы сажали немало! Значительная часть участка из десяти соток была занята ею.

Здесь нужно вспомнить и те минуты отдыха, когда мы, пришедши на перрон, на остановочный пункт железной дороги, ждали электричку. Здесь папа говорил со своими знакомыми с завода, которые тоже получили участки в «Дубраве». И что примечательно, они не оскорбляли меня последними словами, были вежливы, относились к отцу и ко мне с уважением. Где теперь можно встретить такое отношение к себе, остается только догадываться.

Невдалеке тонкой полосой росли деревья и кустарники, ограждавшие дачный массив от железной дороги. Мы любили с мамой сидеть в их тени в ожидании электрички. Здесь же можно было подкрепиться, перекусить.

Ряд воспоминаний связан непосредственно со станцией Привокзальной – они касаются наших поездок в Тавричанку. Как правило, это были долгожданные и желанные поездки. Я радовался от предвкушения встречи с бабой Тасей, дядей Геной и маминим отчимом, и, разумеется, ждал встречи с верным Тузиком – собакой, которая охраняла дом и сидела на привязи у конуры – неподалеку от его входа. Замечу, что мама всегда поражалась тому, как я был привязан к Тузику, как гладил его при встрече (а Тузик лизал мне руки).

Теперь здание Привокзальной – современное, оснащенное всякими техническими достижениями цивилизации. Здесь есть касса, где можно приобрести билеты как до станции Омск – пассажирский, так и до более далеких станций. Несмотря на это, всякий раз, когда я посещаю станцию или прохожу мимо нее, в моей душе воскресают воспоминания о наших поездках с родителями на электричках – в Тавричанку, Сыропятку, Кормиловку..

4. ОСТАШКОВО

Замечу, что дачу в Осташково мы купили в 2001 году. Пришлось занимать деньги у родственников, чтобы приобрести приглянувшийся нам участок. Не скажу, чтобы мы сильно пожалели об этом – с даче в Осташково у нас связано немало теплых воспоминаний. Это воспоминания о теплых утрах, днях и вечерах, проведенных, как любят говорить наши эстрадные певцы, «наедине с природой».

Когда мы купили дачу, моему взгляду предстал невзрачный сарай без пола и домик обыкновенный дачный, который, впрочем, домиком можно было назвать с большой

натяжкой. Внутри него валялся строительный мусор, второго этажа не было, а на первом не было пола и были лишь одни голые кирпичные стены.

Сейчас трудно в это поверить, но мы с отцом создали из этого недостроя полноценную летнюю дачу. Вынесли скопившийся за время строительства мусор. Настелили деревянный пол. Затем обшили стены гипсокартоном. Покрасили окна. Провели электропроводку. Наняли печника, который сложил придуманную мною печку (перед этим я изучил книги по кладке печей и создал собственный проект печи – по рядам, по кирпичикам вырисовывал, как надлежит ее класть). Замечу, что печка эта служила нам верой и правдой около пятнадцати лет.

Затем пришел черед второго этажа. Мы настелили перекрытия. Обшили верх гипсокартоном. Провели также электричество. Наклеили, так же, как и на первом этаже, обои (причем если для первого этажа пошли обои старые, привезенные нами еще из Белоруссии, то на второй этаж, где должна была располагаться моя комната, я выбирал обои сам, придирчиво рассматривая их на ярмарке «Панорама-центр» (безопасной в те доковидные времена)). Установили телевизионную антенну (папа провел ее еще и на первый этаж), привезли телевизоры – маленький, «Рубин», для первого этажа и большой для второго.

Дом у нас получился уютным, хорошим, теплым. Именно в этом доме я погожими летними деньками, пока мама и папа трудились в саду и в огороде, писал свой «знаменитый и легендарный» «Комментарий к роману Владимира Набокова «Дар»». Впрочем, уделял ему я не более, чем полтора часа в день, после чего снова бежал помогать родителям ухаживать за посадками.

Помню, что порой мы приезжали (особенно в теплейшие летние дни) на дачу на пять – шесть дней, и отец только раз в два-три дня навещался в город, чтобы пополнить запасы продовольствия, хранящиеся в приобретенном нами по случаю холодильнике. Отдельной эпопеей стало строительство отцом бани. Он приобрел на базаре сруб, привез его в Осташково, и сложил баню буквально «с нуля». Где-то раздобыл печь для бани. Обшил деревом парную и предбанник. Затем еще пристроил второй предбанник, где хранились разные полезные в хозяйстве вещи. Сосед с рядом расположенного участка, Анатолий Иванович, ходил в это время к нам в гости со своей внучкой (которая выросла теперь) и давал полезные советы по строительству бани. Нельзя сказать, чтобы они уж слишком нам помогли, скорее папа построил баню вопреки им.

Также папа пристроил к дому веранду. Приложив при этом поистине героические усилия (помните, как говаривал герой Григория Горина – «Я каждое утро к 9 часам хожу на работу. Это, конечно, не подвиг, но что-то героическое в этом есть»).

Кроме того, было необходимо провести летний водопровод. Воду в садоводческом товариществе давали два раза в неделю – и вот необходимо было поливать наши растения из шланга. Это мы с удовольствием и подельывали, приобретя новейший шланг (был, впрочем, и старый). Особенно любила поливать растения мама. Ну и я тоже от нее не отставал.

Дневное и утреннее время на садовом участке было посвящено уходу за растениями. У нас росли яблоня, пять или шесть ранеток (Уральское наливное и Триумф), две плантации земляники, красная и черная смородина, ирга, розы, малина, две большие ели, и в огороде – огурцы, помидоры, редиска, укроп, морковь, картофель, чеснок. Все они требовали должного ухода. Уход заключался, во-первых, в своевременной посадке и поливе, затем – в уничтожении сорняков, рыхлении, а иногда – и в

удобрении. Боролись мы и с садовыми вредителями, которые облюбовывали почему-то больше всего черную смородину.

Помню, однажды у меня заболел живот – и я не спал всю ночь (а может, это было от холода – дело было в холодном августе). Наутро я появился перед мамой, которая, как сейчас помню, занималась прореживанием земляники – и потребовал к себе внимания. Мама утешила меня и пообещала свозить меня в самое ближайшее время в медицинскую клинику. Замечу, что она и сопровождала меня в поездке в эту клинику, присутствовала на приеме у врача, а затем – тщательно следила за тем, чтобы я своевременно принимал назначенные гастроэнтерологом таблетки. Вообще, эпопея с моим животом и посещениями клиники вышла большая, и она еще ждет своего исследователя (как любят говорить филологи).

Вспоминаю прохладные вечера в конце лета, когда мы топили на садовом участке баню. Обычно растопкой бани занимался мой отец. Он доводил температуру в парилке до нужной кондиции, после чего вызывал меня в баню. Мама снаряжала меня в этот путь, снабжая чистой одеждой, в которую я мог бы переодеться уже после банных процедур.

Затем я разоблачался в предбаннике, критически осматривая себя в висевшее тут же безпристрастное зеркало. Надо сказать, в те времена, которых касается мой рассказ, я был несколько толстоват – и созерцание отражения в зеркале меня отнюдь не удовлетворяло. После краткого осмотра себя в зеркале я направлялся в парилку. Там я сидел несколько минут, привыкая к повышенной температуре в бане и ожидая отца. Отец приходил – и начинал меня слегка хлестать веником. Изредка он плескал горячую воду на камни – и та с шипением, распространяя пар, растворялась в воздухе. В бане было жарко – и, признаюсь честно, банные и помывочные процедуры были испытанием для меня. Зато потом, окончив их и одевшись в тесном предбаннике, было настоящим отдохновением для тела и души выйти в прохладный второй предбанник и вдохнуть полной грудью аромат дачного сада.

На небе загорались первые звезды (их можно было видеть, если погода стояла ясная), светила луна, на душе было тихо и спокойно. Теперь предстояло выйти из предбанника и проделать путь в два с лишним десятка метров до дачного дома. В доме меня уже ждала мама вместе с приготовленной кружкой горячего чая. Безусловно, эти мгновения относятся к самым ярким воспоминаниям о моей жизни в Осташково.

Помню один из подобных эпизодов в две тысячи семнадцатом году. После бани я пришел домой и вместе с мамой мы слушали репортаж о футбольном матче с Кубка конфедераций по футболу. Благословенные были времена!

Обычно я редко занимался на даче писанием книг, сидючи за компьютером. Приходилось все больше помогать родителям в повседневных заботах по уходу за растениями.

То необходимо было окучить картофель, то тяпкой покосить траву, выросшую и разросшуюся необыкновенно (трава казалась в ту пору едва ли не подлинным бедствием) на южной стороне участка, то проредить заросли земляники, то полить грядки, кустарники и деревья. Мама моя боролась с травой самоотверженно. Сидя на маленькой скамеечке, она собственноручно пропалывала грядки – с луком, редиской, морковью, чесноком, огурцами. Росли у нас и помидоры – они требовали особого графика полива.

Папа больше любил заняться стройкой. То он проводил в баню и туалет электричество, то мастерил веранду, то делал теннисный стол, чтобы мы могли играть

на даче в настольный теннис. Кстати, в настольный теннис играли не только хозяева дачи – мы, но и наши гости – из Омска и даже из Саратовской области.

На ум приходит еще один эпизод две тысячи семнадцатого года – мы дружно, втроем, клеим обои и потолочную плитку в моей комнате на втором этаже дачного домика. Ничто так не объединяет людей, как совместный труд ради общей пользы, как сказали бы герои мультфильма про Простоквашино! Папа так увлекся клейкой потолочной плиткой в ту пору, что даже упал на пол с табуретки. К счастью, обошлось без травм. Эта дружная работа, этот совместный порыв – душевный и физический – запомнились мне как пример единения нашей семьи, совместной заботы о будущем, которое казалось тогда безоблачным.

Иногда с утра мы ходили с отцом на рыбалку в старицу, расположенную по направлению на восток от нашего дачного участка. Однажды мне удалось увлечь с собою даже мать, и та бродила вместе со мной по возвышенностям – холмам, расположенным рядом с довольно-таки крутым берегом водоема, боясь подвернуть ногу или сверзиться вниз, прямо в воду.

Увлечение рыбной ловлей было свойственно мне еще с детства (ловил я рыбу в поселке Таврическом – но об этом в соответствующей главе этой книги). В вот в годы молодости я решил воскресить эту «одну, но пламенную страсть». Походы наши с отцом (и дядей Пашей) на водоем сопровождались переменным успехом. То мы вылавливали по двадцать карасиков, и были в эту пору довольны своим уловом и отлично проведенным днем. То рыба категорически отказывалась клевать, - а это случалось чаще всего почему-то в то время, когда я ходил на рыбалку один – и приходилось мне возвращаться в дом несолоно хлебавши. Как писал Владимир Солоухин, рыбалка чаще всего чревата острым разочарованием. Поэтому неизвестно, что принесет большую радость – сама рыбалка или процесс подготовки к ней.

Подготовка к рыбалке – процесс довольно стандартный. Нужно накануне дня вылазки накопать червей, приготовить удочки и мешки для рыбы (побольше, побольше!). И хорошенько поспать, чтобы на самой рыбалке не клевать носом.

Обычно мне приходилось поднимать папу утром для похода на рыбалку с превеликим трудом. Ну, не разделял он мой охотничий азарт и энтузиазм почему-то. Мама вообще относилась к рыбалке скептически и говорила, что предпочитает есть рыбу из консервных банок.

Наконец наступал долгожданный миг – мы с отцом выходили на аллею, навстречу всходящему на востоке солнцу. Домики на аллее в это рассветное время напоминали мне строения, описанные в стихотворении все того же Владимира Набокова – «Все будет то же... Увижу я людей, знакомых мне.. и цепь домов, лимонных, бурых, серых.. и кирку будто паровоз, и циферблат на ратуше». За точность цитаты, впрочем, не ручаюсь. Папа дорогой, как правило, ворчал – но и это ворчание не могло омрачить мою радость от предвкушения первой поклевки.

Наблюдая за этой картиной с высоты сегодняшнего дня, поражаюсь моему тогдашнему энтузиазму, моему желанию, моему стремлению идти навстречу рыболовным приключениям. Очевидно, все это объясняется произраставшей во мне энергией, свойственной молодости.

Кроме рыбалки, мы дружно ходили по грибы. Однако - потому, что перелески около дачного массива были исхожены вдоль и поперек – нам, как правило, не приходилось возвращаться домой с богатой добычей.

Отдельная тема – дорога в Осташково, которую мы преодолевали на автобусах. Тема автобусного сообщения Осташково с Омском – болезненная для любого дачника (не

знаю, как теперь, а года три назад дело обстояло именно так). Утром автобусы, идущие из Омска в Осташково, набиваются под завязку. Вечером такая же картина наблюдается в автобусах, следующих из Осташково в Омск. Мы с родителями, чтобы не давиться в автобусах, придумали следующую хитрость – уезжали из Омска днем, часа в два-три, когда желающих ехать было поменьше. Ночевали в Осташково несколько дней. А возвращались в Омск уже утром, когда автобусы ехали из Осташково в город полупустыми. Вообще же, надо сказать, что более всего наполняются автобусы, идущие с 9 до 10 утра из Омска в Осташково и с 18 до 20 часов вечера из Осташково в Омск. Это и понятно – народ утром едет на дачи, а вечером возвращается домой. И перестроить его на другой график поездок практически нереально.

По пути с дачи на остановку автобуса мы всегда делали передышку – останавливались отдохнуть около перелеска, рядом с березами. Это было тихое, уютное место как раз за поворотом дороги. Здесь мы ставили наши сумки на землю и стояли около двух минут. Это было, как сказал бы дядя Слава, «намоленное место». Как сейчас помню – ясный солнечный день, на небе кучевые облака, безветренно, а мы стоим безмятежно на этом защищенном от невзгод месте и отдыхаем – с мамой и отцом.

Этой замечательной поре моей жизни, дачным делам и заботам, атмосфере дачи в Осташково я посвятил стихотворение «Домик на Южной аллее» из сборника «Брызги» и еще несколько стихотворений из сборника «Река Тишина», написанного в 2019 году.

5. УЛИЦА ПАРТИЗАНСКАЯ

Именно на улице Партизанской, во втором корпусе Омского государственного педагогического университета прошло немало незабываемых дней моей молодости. Речь идет, разумеется, об учебе на филологическом факультете названного учебного заведения.

Несмотря на то, что я закончил филфак с красным дипломом, не все в моей филологической жизни шло легко и гладко. Чего стоит один экзамен по введению в языкознание и проверка транскрипции! А чего стоит экзамен по Русской литературе у Александра Эммануиловича Еремеева, когда мне достался, среди прочего, вопрос по единственной книге, которая была пропущена в моем списке литературы!

Будням и праздникам филологической жизни было посвящено мое юмористическое и в чем-то ироническое эссе «Трое в одной группе и С.Муся». Его Вы можете прочитать на моей странице в журнале «Самиздат». Позволю здесь повторить некоторые его сюжеты, которые будут стыковаться с воспоминаниями, не задействованными в названном сочинении.

Нужно заметить, что не все время мы проводили в стенах второго корпуса. Мы ездили и на картошку, и учились в корпусе ОмГПУ на Романенко, где изучали валеологию. Там нам встретились колоритные преподаватели, о которых я написал такие загадки:

Погружен всегда в заботы
Главхирург, профессор Готов.

Любит шутки в медицине
Дяденька-доцент Мордвинов.

Всем является в кошмарах
Инфекционист Макаров.

Кроме того, инфекционист Макаров (который был одновременно и талантливым поэтом, публиковавшимся в омской прессе) послужил прототипом персонажа из написанного мною в соавторстве с Алексеем Липиным сериала «Дальше некуда» - доктора Макарро. Сам сериал мы писали на скучных лекциях в стенах того же второго корпуса ОмГПУ, а иногда и на практических занятиях по старославянскому языку (что было, как минимум, рискованно). Действие сериала разворачивалось в Японии, где орудовали братья-близнецы Оум и Сенрикен, а также контролер-общественник КО-КО Четвертый, в небе – в самолете, летевшем в Киото, где промышлял контролер-самолетчик Сим-Сим 12-ый, а также в Тринидаде-и-Тобаго, где жил вышеназванный инфекционист Макарро, девушка Имама (туристка из Якутии, потерявшая паспорт и обратный билет) и еще ряд замечательных персонажей.

Но вернемся к двум или трем неделям, проведенным за занятиями валеологией. Нам обучали азам и премудростям медицинской помощи населению, и заодно рассказывали о течении разных болезней. Я пребывал под таким впечатлением от этих рассказов, что заболел сам – желудком. Девушки наши и ребята оказались в массе своей куда более стойкими.

Еще одна сторона нашей жизни на филфаке – наши творческие постановки, которые мы предпринимали на различных КВН-ах, «Медианах» и на посвящениях в студенты. Их вы можете обнаружить на том же «Самиздате» под названием «Сценарии». Особенно запомнилась самая первая постановка, посвященная школе – на первом посвящении в студенты, где мы дружно, под руководством В.М.Физикова, давали студенческую клятву (содержание которой уже подзабылось).

Постановка эта была длинная, по большей части скучная, но с претензиями на юмор. Кроме того, постановку украсили три-четыре песни, которые студентки и студенты 13 группы самоотверженно выучили (а написал их Ваш покорный слуга). Запомнилась одна из них:

Четвертые сутки горит наша школа,
Объяты пожаром все три этажа.
Подайте брандспойты, директор Маньола,
Учитель Хосинто, ну где же вода?

(полный текст песни смотри .. нет, не в ПСС В.И.Ленина, а в моих «Сценариях»).
Затем последовала (в 1995 году) постановка «Филфак третьего тысячелетия», где мы со свойственной нам скромностью попытались дать прогноз – как мы будем жить через пять лет. Прогноз давали Добрый и Недобрый фей. Причем Недобрый напоминал своим поведением В.В.Жириновского (выливал стакан воды в лицо Доброму фею). Веселое было время!

Продолжились наши выступления на Посвящениях в студенты на третьем курсе, когда мы презентовали для зрителей концептуальное полотно под названием «НА ДНЕ, или МЕСТО ВСТРЕЧИ ИЗМЕНИТЬ НЕЛЬЗЯ. Пьеса из жизни студентов». Для большего эффекта мы переделали знаменитый сюжет фильма Станислава Говорухина – а точнее, тот поворот сюжета, когда Володя Шарапов попадал в гости в банду «Черная кошка». Вместо членов банды у нас были сотрудники и студенты .. филологического факультета. Они, впрочем, не излучали доброту, а чем-то неуловимо походили на

отрицательных персонажей фильма. Подобный сюжетный ход использовала когда-то команда КВН «Одесские джентльмены». Место Глеба Жеглова – беспощадного борца за правое дело – у нас занимал профессор Еремеев, которого играл Валерий Пономаренко. Характерен такой эпизод сценария:

- Это кто там гавкает?

- С тобой, собака, не гавкает, а разговаривает профессор Еремеев. Слыхал о таком?

- А своего аспиранта нам отдашь на съедение?

- А пусть он сам за себя похлопочет, а я послушаю.. (пауза) Дырку от бублика вы получите, а не Гену Косякова! Он давно уже тю-тю!

Невозможно забыть и КВН по исторической грамматике, организованный стараниями нашего преподавателя – Натальи Николаевны Щербаковой. Помимо решения заданий, наша группа выступила на означенном КВН-е с двумя примечательными постановками.

Первая называлась «Песнь о вурдалаках, или Красная шапочка». Она представляла собой образец трудных повестий о жизни Красной шапочки на старославянский лад. Приключения Красной шапочки излагались таким былинным сказом:

А как жили вурдалаки во темном во лесу,

А как пили вурдалаки народну кровушку.

Собралася туды Красна Шапочка,

Собралася туды распригожая..

В роли Красной шапочки дебютировал заслуженный артист 33 группы, исполнитель роли Володи Шарапова в предыдущей постановке – Алексей Липин. В роли вещего баяна и рассказчика – Валерий Пономаренко. В роли матери Красной шапочки – автор этих строк. Костюмы вурдалаков примерили на себя Ира Телушкина и Лена Казакова. В общем постановка получилась авангардная, в стиле «Виктюку и не снилось». В финале постановке напряжение достигало апогея – Красная шапочка встречалась с Серым волком в доме бабушки –

А в полатах она увидела

Возлежащего волка лютого,

Но по юной своей близорукости

Приняла его за свою бабушку.

И глаголюше – «Мила бабушка,

Что же глазки твои так расшились?»

«Чтоб узрела я лепоту твою,

Лепоту твою распригожую».

В конце постановки на Красную шапочку набрасывалась и съедали ее вурдалаки во главе с Серым волком. Вот такой «жизнеутверждающий» финал был у нашей драматической постановки.

Вторая постановка, увидевшая свет на КВНе по исторической грамматике, называлась «911. Телефон спасения». Она рассказывала о приключениях князей Игоря и Олега в древнерусские времена. Героев постановки представляла незабвенная староста нашей группы Лариса Репях (в стиле представлений героев из мультфильма «Остров

сокровищ» или из «Семнадцати мгновений весны»). Также в постановке принимали участие Наташа Козлова, Алексей Липин, Валерий Пономаренко и Ваш покорный слуга в пальто Ирины Телушкиной (а пальто это еще всплывет в конце анекдота, как говорил Альф), которая и сама также приняла участие в шоу.

Игорь (Валерий Пономаренко) был представлен как «налоговый инспектор, по совместительству – Князь» и запомнился как автор сентенции:

- Дело в том, что я – налоговый инспектор, и мне необходимо, чтобы мое дыхание было свежим. Вот почему перед каждой процедурой взимания дани – я употребляю головку чеснока.

Ваш покорный слуга выступил в роли коня Олега. Я появлялся после реплики Ларисы Репях (смотри кстати посвященные ей сказки – «Лариса в стране чудес», «Лариса в зазеркалье» и «Лариса в стране сказок»):

- Рассказывает конь Олега.

И повествовал:

- А я вообще тут не при чем. Лежу я, значит, как обычно в чистом поле, никого не трогаю. Змейки по мне бегают..

И, разумеется, сценарий просто не мог обойтись без звонка коня Олега в службу спасения и такого диалога с Ирой Телушкиной:

- Кто говорит?

- Кто-кто, конь в пальто! (тут и всплывает пальто Телушкиной, в котором я появлялся перед публикой).

Постановка имела ошеломляющий успех. Актеры купались в овациях. Любопытно, что попытка повторить этот успех и осуществить постановку позже, на посвящении в студенты, с треском провалилась. Публика оживилась только на реплике про «коня в пальто».

В награду участники постановки были отмечены поощрением – с них была снята обязанность отвечать часть экзамена по исторической грамматике. И это было прекрасно!

Студенты 33 группы не успокаивались на достигнутом и устроили (по инициативе В.М.Физикова) праздник «Медианы» - отмечая экватор или половину пройденного ими студенческого пути. Во время «Медианы» было осуществлено несколько постановок (одна другой краше), не все из которых сохранились в письменном виде. Хорошо, что до наших дней дошла легендарная программа «Некоторые любят погорячее, или На филфаке только девушки», где Валерий Пономаренко и Алексей Липин отличились тем, что сыграли юных студенток филфака (вернее, самих себя в образе студенток). Полный текст постановки можно прочитать в «Сценариях» (которые я продолжаю настойчиво рекламировать).

Модификацию этого выступления увидела более широкая аудитория уже во время нашей учебы на 4 курсе – во время выступления в КДЦ «Академия», расположенного рядом с первым корпусом ОмГПУ. Тогда-то и прозвучала незабываемая песня, сочиненная мною, - «Женское счастье», сопровождающаяся танцем декана филфака и Валерия Пономаренко в образе студентки.

Женское счастье –
Был бы Вадик рядом,
Ну а больше ничего
Не надо.
Женское счастье..

Также постановка запомнилась откровенными воспоминаниями Алексея Липина о его якобы съемках в триллере «Му-Му» «по мотивам русской классики», во время коих он сулил расправу Герасиму (мне), которого называл «лодочником».

К слову сказать, именно в «Академии» проходило празднование получения нами дипломов и окончания университета в 1999 году. Запомнились и неповторимая атмосфера праздника, и вкусная еда, и танцы.. В общем, думаю, что пришедшие не пожалели. Особую прелесть празднику тогда придало присутствие на нем наших любимых преподавателей филфака – Физикова и Щербаковой.

Можно вспомнить и наше выступление на встрече выпускников, когда объединились для постановки лучшие силы интеллектуалов и актеров 42 и 43 группы – постановку по мотивам пушкинской сказки – которая называлась «Новая сказка о царевне, находчивом декане и о его военной тайне». В постановке принимали участие Алексей Липин, Валерий Пономаренко, автор этих строк, Ольга Лысенкова и, кажется, Юлия Мандрыкина (известная ныне как «тамада» и радушная хозяйка «Веселой семейки»). В начале постановки современность самым наглым образом сплеталась со сказочным прошлым:

В той столице проживал
Декан одного факультета,
На том факультете учились студенты,
У них было много различных бредовых идей..
Туда поступала гражданка царевна –
Не помню как отчество ей.

Песню исполнял Алексей Липин в образе декана филфака, играющего на шарманке свою фирменную песнь про Анну Каренину и ее малютку сына. Далее в дело вступал пушкинский сюжет – Царевна отправлялась в мир иной («И к обедне.. умерла!»), царь приказывал ее оживить, и тут появлялся сначала декан филфака, а потом и студент Иван.

Отправился декан пьянствовать с горя,
Вдруг видит – месяц висит над землюю.
Говорит ему навзрыд:
- Ах ты, дурень-инвалид,
У тебя мозгов как в пне.
Отыщи лингвистку мне!

Месяц лениво отвечал:

- Не-а.

Тогда декан пробовал зайти с другой стороны:

- Слушай месяц, есть базар,
Отыщи мне цацу эту, и получишь самовар
Пива здешнего – «РОСАР».

Месяц отсылал декана к ректору.

- Ректор, ректор, ты могуч,
Ты гоняешь стаи туч
Словесов твоих туманных,
Будто бы от Бога данных..
Аль откажешь мне в ответе,
Не видал ли где на свете
Ты лингвистки молодой?
Я декан ее..

- Пстой..

Дальнейшие приключения декана филфака и студента Ивана заканчивались обнаружением Царевны. Правда, автор сказки, склонный к суровому реализму, так и не осмелился оживить Царевну поцелуем. Очень жаль, или «осень жаль», как говорила одна аспирантка!

Современное прочтение сказки о мертвой Царевне не очень понравилось учительницам – выпускницам филфака. Видимо, они критично отнеслись к этому явлению постмодерна. Впрочем, на самооценку авторов этого произведения сей факт не сильно повлиял.

Осталось упомянуть еще один сценарий, поставленный мной уже после окончания учебы на филфаке и в аспирантуре – «В синем море, белой пене» - сценарий КВН-овского приветствия, написанный для команды преподавателей филологического факультета ОмГПУ, которая называлась «Дети капитана Врунгеля».

В ходе постановки этого шоу на сцене появлялся автор этих строк, которого преподаватели заставляли писать им сценарий, угрожая самыми замысловатыми предметами. Исполнялась песня «Оставайся, мальчик, с нами, будешь нашим королем», а также песня про гандбол из репертуара группы «Сплин» (культовой в рядах отдельных филологов 52 группы). В роли Жанки и Светки из команды «Парма» (Пермь) на сцене появлялись преподавательницы Щербакова и Шуйская.

- Наталья Николаевна, а нас Жанка со Светкой не побьют?

- Победителей не бьют.

Наши героини называли себя победителями потому, что в 2004 году омский «Авангард» выиграл золото чемпионата России по хоккею. В песне про гандбол, завершающей приветствие, так и говорилось:

На разминке разогрейте суп,
Ведь мы болели за один и тот же клуб.

Невозможно забыть и наши экзамены, которые мы сдавали на филфаке – в особенности по СРЛЯ, общему языкознанию и ГОСы. Надо было обладать немалым терпением и незаурядным умом, чтобы выдержать все эти испытания. И, конечно же, невозможно забыть колоритную фигуру моего научного руководителя – Эдмунда Генриховича Шика, оставившего меня при университетской кафедре. Именно благодаря Эдмунду Генриховичу я поступил в аспирантуру ОмГПУ и успешно окончил ее в 2002 году.

Именно на филфаке началось мое увлечение творчеством замечательного русского писателя Владимира Набокова. Моя дипломная работа, например, называлась – «Проблема российских источников интертекстуальности прозы Набокова» (а Алексей Липин, как я помню, выдал на гора большую дипломную работу про сатирическую прозу 20-30-х годов двадцатого века, среди которой выделялись «12 стульев», «Золотой теленок» и, разумеется, «Собачье сердце»).

Замечательное время обучения на филфаке вспоминаю я сейчас с благодарностью к нашим терпеливым преподавателям, и с легкой грустью в русле прустовской эпопеи «В поисках утраченного». Кстати, о зарубежной литературе. Именно лекции и семинару Елены Владиленовны Киричук вдохновили меня на создание собственных «Лекций по зарубежной литературе двадцатого века», которые можно обнаружить также на моей странице в «Самиздате».

Возвращаясь к периоду обучения в аспирантуре, необходимо упомянуть и мою поездку в Москву, организованную нашим университетом, по инициативе Э.Г.Шика. Впрочем, это уже совсем другая история..

6. МОСКВА

Люблю Москву, ее размах.
Вот это ширь, вот это – ах! –

Так говорил один столичный мэр в моей монументальной поэме в стиле Леонида Филатова «Сказ про Бориса и указ». Впрочем, автор этих строк, в отличие от градоначальника времен царя Бориса, далек от восторгов по поводу Москвы. Хотя необходимо отметить одно – в столице поддерживается элементарный порядок. Здесь никому и в голову не взбредет врубить какофонию в третьем часу ночи, для того, чтобы ею усладить слух своих соседей по многоквартирному дому. Никто не придет в полночь мерзко орать под Вашими окнами. Никто днем не будет орать там же, выражаясь нецензурною бранью по поводу несправедливого, на его взгляд, устройства жизни в Российской Федерации. Все потому что милиция там РАБОТАЕТ, а не прячется за спинами безоружных граждан. И, безусловно, это приятно. Как говорится, пустячок, но приятно.

С Москвой я познакомился еще в детстве, когда мы в восьмидесятые годы всею семьей побывали в ней проездом. Мы прошли по улице Горького и заглянули в ГУМ и на Красную площадь. К сожалению, последняя была обнесена железным заборчиком, за который почему-то никого не пускали («Я и сам не знаю, почему. ПОЛОЖЕНО!») - как говорил один персонаж художественного фильма по мотивам произведения братьев Стругацких). Я сфотографировал маму, папу и дядю Гену на фоне кремлевской стены, а также в ГУМе. В этом магазине меня удивил широкий размах продажи различных товаров. Мама также с трудом сдерживала себя, чтобы не накупить на последние деньги всякой всячины. Особенно запомнился мне большой фонтан посредине ГУМа, около которого назначали встречу потерявшимся в просторах магазина людям.

В следующий раз в Москве я побывал (вспомним фразу –

Кто в Москве не бывал,
Красоты не видал –

Из фильма «Брат») уже учась в аспирантуре Омского государственного педагогического университета.